Избежавший репрессий

Свет и тени жизни маршала Баграмяна

В июне этого года исполнится 75 лет со дня трагического начала Великой Отечественной войны. И 75 лет назад появился грозный приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270. Его подписали председатель Государственного комитета обороны СССР И.Сталин, заместитель председателя В.Молотов, маршалы Советского Союза С.Буденный, К.Ворошилов, С.Тимошенко, Б.Шапошников и генерал армии Г.Жуков. Адресован он был всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов.

Приказ не подлежал опубликованию, но его предписывалось прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. В приказе завуалированно говорилось об обстоятельствах разгрома 6-й, 12-й и других армий, а также о неудачах на Западном фронте. По стилю и содержанию можно предположить, что в гневе и впопыхах его писал лично Верховный. Приказ начинается с тирады о том, что «не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их громадное большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, а порой прямо героически». После нескольких положительных примеров выхода из окружения противника остатков некоторых частей обрушивается лавина проклятий в адрес отдельных командармов: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам. Естественно, вслед за приказом Сталина заработала отлаженная машина преследования – пострадали жены и совершеннолетние дети названных командиров. Репрессировали даже тещу командующего 28-й армии генерал-лейтенанта Качалова.

Реальная угроза быть репрессированным нависла и над будущим маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем БАГРАМЯНОМ, очерк о котором напечатан на днях в российской газете "Совершенно секретно". В 1942 году Баграмян, тогда начальник штаба фронта, ждал, что его расстреляют перед строем солдат, выживших в Харьковской операции. В ходе этой провальной наступательной операции полегло 18–20 советских дивизий. Вину за нее пытались возложить на Баграмяна. Вопреки опасениям, его не предали суду военного трибунала, и уже через три недели он был назначен на самостоятельную должность – командующего 16-й армией. С того времени все боевые операции, которые он планировал, были успешными...

Об этом непростом периоде жизни замечательного военачальника нам известно мало – наша историография старалась обходить его стороной. В результате был создан лакированный образ маршала Баграмяна – в целом правдивый, но иконно-героический как бы для армянского народа, включая диаспору. Автобиографы обходили стороной и жену Тамару, которую он любил нежно и беззаветно. Баграмян и впрямь был однолюбом, об этом знали все, а его Тамара-джан, быть может, тот самый ангел-хранитель, который уберег Ивана Баграмяна в самый кризисный момент его жизни. Они были армянской семьей в самом высоком смысле.

Валерий РОКОТОВ

«ТАМАРА – МОЙ ТАЛИСМАН»

...Жить оставалось недолго. Уже скоро придут и выведут в поле. Или расстреляют прямо у штаба, перед строем солдат. Сто семьдесят тысяч бойцов полегли из-за неверных данных разведки. Враг победил там, где его должны были уничтожить. Но ошибок никто разбирать не станет. Вся вина будет возложена на него. В тот день он пишет жене письмо. «Тамарочка! Мне мало слов, чтобы выразить мои чувства к тебе. В этот час я вспоминаю обо всём, что было между нами, каждый наш день...» Баграмян не задаёт привычных вопросов. Ему ясно: ответа уже не прочесть. Когда Тамара получит это письмо, он будет уже расстрелян.

Глядя на строки недописанного письма, Иван Баграмян вдруг ясно вспоминает тот день, когда несчастным влюблённым бродил у дома Тамары. Сквозь годы он видит себя – как опускается на колено и берёт горсть чёрной сухой земли. Он аккуратно ссыпает её в пустой кисет и кладёт в карман, ближе к сердцу. Пусть эта земля всегда напоминает ему о любимой.

Он встретил Тамару на улице Александрополя и потерял покой. Он обивал порог её дома и наконец решил объясниться. Юный кавалерист просил гордую красавицу выйти за него замуж. Она лишь пожала плечами – не сказала ни «да», ни «нет».

Баграмян возвращается в расположение своей части подавленным. По большому счёту у него и не было шансов. Он некрасив и небогат. Он говорит себе: такую девушку остаётся только украсть. Схватить на улице, усадить в кибитку и помчаться в родное село Чардахлу.

В казарме он берёт лист бумаги и рисует план: где именно схватит Тамару и какими дорогами её увезёт. Это первый в его жизни план боевой операции. Но всё идёт не по плану. 1 мая 1920 года в Армении вспыхивает восстание, и Баграмяна сразу вовлекает в водоворот трагических и страшных событий. Он ждёт этого восстания. Он с теми, кто встал под красное знамя. Он хочет, чтобы Армения присоединилась к Советской России. Только с русским народом, строящим новый мир, только так армянский народ может сохранить себя. Восстание топят в крови. Баграмяна бросают в тюрьму, а потом определяют на принудительные работы. Но неволя длится недолго. Вскоре новое восстание сбрасывает правительство и устанавливает советскую власть.

Баграмян верит: эта власть создаст огромное и непобедимое государство, великую семью народов. Именно поэтому он отправляется в Грузию – помогать грузинским большевикам. На целый год Баграмян теряет связь со своей возлюбленной. Но всегда, едва стихает очередной бой, горсть чёрной земли у сердца напоминает ему о Тамаре.

Зимой 1921 года, получив отпуск, Баграмян мчится в крохотное село под Александрополем. Там его ждёт нерадостное известие. В доме Тамары идут приготовления к свадьбе. Он опоздал. Оказалось, недавно на её дом напали бандиты, и если бы не один офицер, бросившийся на помощь, семья бы погибла. Этот офицер прислал к Тамаре сватов. Ему не смогли отказать.

Иван видит: всё кончено. Его возлюбленная отныне принадлежит другому. Однако судьба коварна. Через полгода до Баграмяна доходит весть – муж Тамары убит. Бандиты не забыли того, кто встал у них на пути. Он узнаёт ещё об одном: Тамара беременна. Нужно родиться на Кавказе, чтобы ясно понимать: оказавшись в таком положении, женщина всю оставшуюся жизнь проведёт в одиночестве. Никому не придёт в голову взять в жёны беременную вдову. Но не таков Баграмян. Он мчится к любимой и прямо с порога предлагает ей выйти за него замуж. Тамара колеблется. Она не знает, что скажут отец и мать. Скорее всего, запретят: прикажут забыть о себе и ходить с опущенными глазами, как подобает вдове. И потом, у неё же будет ребёнок...

Баграмян не желает ждать родительского решения. Он убеждает: решай сама. А ребёнок... Это наш ребёнок.

И Тамара решается.

БУДУ СИДЕТЬ У КРЕМЛЯ, ПОКА МЕНЯ НЕ ПРИМЕТ НАРКОМ

В 1924 году Баграмяна направляют в Высшую кавалерийскую школу. В Ленинграде он учится вместе с Жуковым. Это командир нового типа: беспокойный, жаждущий новых военных знаний. Баграмян стремится не отставать. Однако душу гложет острая тоска по семье. У него уже двое детей: мальчик и девочка. Мальчика назвали Мовсесом – в память о погибшем отце. А девочку, родившуюся через год, – Маргаритой.

Любовь к жене настолько сильна, что мешает учёбе. Он постоянно пишет Тамаре: на отдыхе и даже во время занятий в классах. В десятках писем он не только признаётся жене в любви. Он негодует. Ему кажется, что Тамара не способна оценить его чувств. Что она слишком холодна и рассудительна.

«Тамара-джан! Тебе должно быть понятно одно: меня не может удовлетворить такая любовь... Ты никогда слепо не любишь. Тобой скорее руководит разум, чем чувства...

И всё же, когда я думаю о тебе, у меня ноет сердце... Встретиться с тобой, почувствовать близость твою, оказаться в твоих объятиях... От этих мыслей у меня голова идёт кругом...»

Тамара отвечает редко. Письма обнажают душу, а ей с детства внушалось, что надо держать себя в руках, не давать волю эмоциям. Она никак не может это перебороть. И всё же Тамара меняется. Она пытается стать такой, какой он её видит в мечтах. Тамара убеждает мужа: дерзай, поступай в академию! Баграмян согласен: Военная академия Генерального штаба – это предел мечтаний. Но как туда попасть, если начальство настаивает на его работе в войсках?

И вдруг – невероятное везение. Приходит вызов. Приказом наркома обороны Баграмяна зачисляют слушателем академии.

В Москву они отправляются всей семьёй. Об этих годах в середине тридцатых Баграмян будет вспоминать с ностальгией. Это счастливые дни. Он ходит в академию, где преподают выдающиеся учёные: Кирпичников, Красильников, Карбышев. А после занятий спешит домой, где ждут Тамара и дети.

Как для каждого отца, дочь для Баграмяна – это предмет особой любви. Маргуша – это очаровательный сорванец, которому всё прощают. У неё отцовский характер. Она энергична, порывиста. Мовсес спокоен, задумчив и этим похож на мать. В Москве у мальчика открываются удивительные способности. Мовсес великолепно рисует. Все уверены: он станет художником.

В 1938-м Баграмян оканчивает Академию Генштаба с отличием и вскоре из слушателя превращается в лектора. Всё складывается невероятно удачно. И вдруг раздаётся гром. В Баку арестован младший брат Алексей. Его обвиняют в антисоветской деятельности. Баграмян понимает, что у советской власти много врагов. Но Алексей... Он просто не может быть врагом. Это ошибка. Иван решает ехать в Баку. Там, в местном НКВД, он объяснит, что брат арестован ошибочно. Тамара советует: попытайся добиться правды в Москве. Но он не слушает. В Баку его едва не арестовывают самого. Слишком горячо он отстаивает своего брата. В Москву летит депеша о непозволительном поведении офицера. Результат не заставляет себя ждать. Ивана Баграмяна увольняют из армии.

Начинается тяжелейшая полоса жизни. Как военный человек, Баграмян не приспособлен к жизни гражданской. Тамара поддерживает мужа, как может. Она повторяет: надо верить и ждать. Ты же блистательный офицер. О тебе не могут забыть. Но проходят недели и месяцы, а ничего не меняется. Скоро семья доходит до нищеты. Баграмян зарабатывает гроши. Денег, которые платят за чертежи, едва хватает на хлеб. А об остальном можно просто забыть. Однажды возникает простая необходимость – сфотографироваться на документы в гражданской одежде. Но у него нет гражданской одежды. И Тамара убеждает надеть её пальто. В нём он и фотографируется.

Всё это невероятно унизительно. И терпеть это унижение Баграмян не намерен. Он идёт в Кремль – к народному комиссару обороны Ворошилову. Его не пускают. Но он объявляет охране, что никуда не уйдёт. Будет сидеть здесь, у Кремля, до тех пор, пока его не примет нарком или не арестует НКВД. Ворошилов принимает отчаянного офицера, и уже на следующий день его восстанавливают в армии. Баграмяна возвращают в Академию Генерального штаба.

Казалось бы, всё позади. Но через два года неспокойный характер даёт себя знать. Не может Баграмян долго сидеть на месте. Его снова тянет в войска, в привычную полевую стихию. Тамара поддерживает его и сейчас. Если найдёшь работу по сердцу, говорит она, поезжай. Дети взрослеют. У них уже своя жизнь: Мовсес поглощён живописью, Маргуша готовится в мединститут. Уже скоро они оба оторвутся от нас, создадут свои семьи. Я же хочу быть с тобой и переезду, как только устроишься.

Баграмян пишет Жукову – просит любую должность под его началом в Киевском округе. В конце 1940 года Жуков переводит полковника Баграмяна к себе. Война стремительно приближается. Начальнику оперативного отдела штаба 12-й армии Киевского особого военного округа Баграмяну это понятно. Он поглощён работой. Выстроить новую линию обороны, обучить солдат владеть новым оружием – это задача номер один. За четыре дня до начала войны в штабе округа Баграмян встречает генерала Ивана Конева. Тот приехал из Северо-Кавказского округа, чтобы узнать обстановку. Баграмян разворачивает перед Коневым секретную карту. Это последние данные о немецких войсках. Обоим ясно: не сегодня-завтра немцы ударят.

ГРАМОТНО ОТСТУПАТЬ – ЭТО ТОЖЕ ИСКУССТВО

В суматохе первых недель войны Баграмян не раз посетует на этот страшный просчёт – наше неумение грамотно отступать. А ведь это тоже искусство. Но такова уж была установка: Красная Армия должна идти только вперёд. Результат перед глазами. Отступая, армии Юго-Западного фронта несут потери огромные. Под бомбами и ударами артиллерии гибнут сотни бойцов, выходит из строя техника.

Однажды во время бомбёжки Баграмян бежит на узел связи. Ему нужно срочно отправить донесение в Ставку. То, что он видит, потрясает его: у аппаратов сидят молодые девчата, их пальцы привычно бегают по клавишам. А вокруг рвутся бомбы, стены ходят ходуном, падает штукатурка.

Эти девчата – ровесницы его дочери. Где она сейчас? Где Мовсес, где Тамара? С первых дней войны связь с семьёй прервалась. Он понимает, что Мовсес, скорее всего, мобилизован. Но что с женой и дочерью? Они ещё в Москве или эвакуированы? Эта неизвестность тяготит душу.

В это время армии Юго-Западного фронта попадают в котёл. Они отрезаны и не знают, что делать. Баграмяну поручают доставить им приказ об отходе. Ночью на самолёте он перелетает линию фронта и выполняет задание. А потом во главе роты НКВД идёт на прорыв. По сути – на верную гибель. Ему приказано отвлечь немцев от основных сил, то есть вызвать огонь на себя. Он ведёт солдат в бой, повторяя имена жены и детей. Мысленно он уже прощается с ними.

К роте Баграмяна присоединяются бойцы из других частей. Обречённый отряд многократно усиливается и прорывается к своим. Генерал выводит из окружения около тысячи человек. За этот подвиг его награждают орденом Боевого Красного Знамени. Но награда не радует. Вот если бы пришла весточка от семьи...

К тому времени Баграмян знает одно: Тамару и Маргушу эвакуировали в Ташкент. Он посылает туда телеграммы и письма – просит разыскать семью. Но ответа всё нет. О Мовсесе ему уже доложили: сын воюет на Западном фронте. А вот жена и дочь исчезли в огромном людском потоке, хлынувшем в тыл.

Первая весточка, написанная рукой дочери, приходит под Новый год. Они живут трудно, недоедают, болеют, продали всё, что могли. По сути, они живут одной лишь надеждой. Надеждой на то, что Советская армия разобьёт немцев и вышвырнет прочь.

«Здравствуй, дорогой папочка! Мама и мы все очень обрадовались, когда получили твоё письмо. Мамочка сейчас хоть немного повеселела, а то перестала спать по ночам и сделалась раздражительной. Пиши нам почаще. Просто «жив и здоров, Ваня, – тогда всё будет в порядке».

Баграмян сразу же садится за ответ.

«Славная моя дочурка! Ненаглядная моя Маргушенька! Моя гордость и надежда в жизни! Шлю тебе огромный привет. Наконец получил твоё письмо и очень обрадовался. Пиши, своими письмами ты доставишь мне только радость. Передай мамуле, что я её часто вижу во сне, не дождусь встречи с ней и очень, очень беспокоюсь о здоровье. А проклятого Гитлера с его немчурой мы бьём и будем бить ещё крепче...»

Баграмян верит: уже скоро Советская армия соберёт силы в кулак. Он пристально изучает тактику немцев. Эти наблюдения помогают ему разработать блестящие наступательные операции. Знаменитая Ростовская операция преграждает немцам путь на Кавказ. А Елецкая операция – путь на Москву.

Но враг тоже изучает тактику русских. Подтверждает это крупное поражение наших соединений под Харьковом. Поражение, после которого жизнь Баграмяна повисла на волоске.

ЕСЛИ УМРЕТ, ТО В НОВОМ МУНДИРЕ

Крах наступления и прорыв противника вызвали холодную ярость Сталина. Верховный помнил, что Генштаб возражал против этого наступления. И Жуков, и Василевский убеждали: враг контратакует и, сломив слабую оборону, прорвётся в наш тыл. Он может соединиться со своими частями, идущими с запада. Однако командование Юго-Западного фронта проявило настойчивость. Оно упрямо отстаивало свой план, указывая на данные разведки и крайне выгодные условия нанесения удара.

И вот результат – две армии оказались в котле и были почти полностью уничтожены. Погибли сто семьдесят тысяч солдат. Около восьмидесяти тысяч получили ранения. Потеряно более пяти тысяч орудий и миномётов, около восьмисот танков. Это сокрушительное поражение. Врагу снова открылся путь на Москву и Кавказ. За такое по головке не гладят.

Баграмяну ничего не оставалось, как просто ждать решения своей участи. Оправдываться не было смысла. Верховный сам призывал не сидеть в обороне, а атаковать при удобном случае. Они готовили наступление на основе данных разведки. А они оказались неверными...

Баграмян вспомнил день, когда их вызвали в Ставку. Вызвали срочно. Он едва успел заштопать свой истёртый мундир, а грязные края рукавов просто отрезал ножницами. Ему было неловко докладывать в таком виде. Но что делать? Не было у него, генерал-лейтенанта, другого мундира. Только тот, в котором он ползал на брюхе по передовой, изучая вражеские позиции. Баграмян надеялся, что Сталин ничего не заметит. Но он заметил. В тот же вечер к нему приехали, чтобы снять мерку, а наутро он получил новый генеральский мундир. И вот теперь в этом новом мундире его и расстреляют.

Баграмян вспомнил о семье, и у него сжалось сердце. Он вдруг осознал, как тяжело и стыдно им будет жить, когда они узнают о его разгроме и казни. В тот день он долго сидел перед листом бумаги. Это было письмо-прощание. Письмо, которым он, по сути, просил об одном – понять и простить.

«Тамарочка, моя славная радость! С именем нашего ребёнка, нашей Маргуши, на устах я выходил из большой беды. Я не мог допустить даже в мыслях, чтобы моя дочь стыдилась меня... Я шёл вперёд и старался всей душой быть таким, каким является всякий честный и трудолюбивый гражданин нашей Родины... Крепко целую всех вас. Ваш Ваня».

Сталин сдержал себя. Он не забыл былых заслуг Баграмяна. Есть версия, что об этих заслугах напомнил Жуков. Но скорее Верховный просто вспомнил тот залатанный, истёртый по окопам генеральский мундир. Никто не знает, почему Сталин простил своего генерала. Но факт остаётся фактом. Вместо расстрельного приговора пришёл вполне рациональный приказ – со штабной работы Баграмяна перевести на командную. Он получил назначение на Западный фронт.

СТАРЫЙ КИСЕТ – ЛЕКАРСТВО ОТ ТОСКИ

Баграмян воюет отлично и вскоре восстанавливает доверие Ставки. Его назначают командующим 16-й армией. И уже через несколько месяцев за доблесть в боях 16-я армия Баграмяна преобразуется в 11-ю Гвардейскую. Она играет решающую роль в Курской битве. Она блистательно действует во время операции «Багратион» по освобождению Белоруссии и части Прибалтики. Её победам салютует Москва.

В сентябре 1943 года самолёт из Москвы доставляет в расположение 16-й армии не только почту. Вслед за лётчиками на землю полевого аэродрома сходит хрупкая, черноволосая женщина. Тамара не упускает появившуюся возможность – слетать на фронт. Эта поездка крайне рискована, но в письмах мужа столько любви, что она преодолевает свой страх и не слушает никаких уговоров. Как можно не поехать, когда под огнём Иван пишет такие строки:

«Тамара, моя родная, светлая радость моей жизни! Я считал и считаю тебя идеалом жены для всякого порядочного семьянина. Все эти внешние проявления не отражают даже сотой части моей искренней и горячей любви к тебе... Тамулик-джан! Я живу мечтами... Я мечтаю скорее победить врага и вновь соединиться с тобой...»

А ещё Тамара знает, что они с мужем обязательно навестят сына. Мовсес воюет на том же Первом Прибалтийском. Пара часов по разбитым дорогам, и можно обнять его.

Здесь, на фронте, Тамара чисто по-женски обращает внимание на то, как одет её муж. Его мундир снова протёрт и испачкан. Она латает и чистит его, и вдруг во внутреннем кармане находит старый кисет. Его содержимое удивляет её. В нём не табак, а сухая земля. Она спрашивает мужа: что это значит? Иван не хочет рассказывать, но потом признается: эту горсть земли он носит с собой уже почти двадцать пять лет. Эта земля успокаивает сердце, когда его наполняет тоской. Она заставляет боль стихнуть. Она вселяет уверенность, что война и смерть не разлучат его с «джан».

«ПРИКАЗЫВАЮ ВЫЛИТЬ ОБРАТНО»

У Ивана Баграмяна есть качества, которые отличают его от других генералов. Это не только темперамент. Его отличает и отношение к солдатам. В подчинённой ему армии царит некая атмосфера приподнятости. Своего генерала бойцы зовут «батькой». Они знают: приказы Баграмяна исключают неоправданный риск.

Однажды Баграмян увидел бойца, который читал полученное письмо. По его щекам текли слезы. Он подошёл и спросил: что случилось? Оказалось, у солдата под бомбёжкой погибла вся семья – дети, жена, родители. Командующий обнял солдата и приказал зайти в штаб, где сам вручил ему распоряжение о полумесячном отпуске. Он понимал, что солдат начнёт искать смерти. Может, встреча с родиной и выплаканное горе помогут ему взять себя в руки.

А осенью 1944-го произошёл случай, о котором узнала вся армия. В районе Каунаса машина командующего остановилась у шлагбаума. Солдат с перевязанной рукой поднял бревно, но вдруг застонал от боли. Тяжёлое бревно рухнуло между передним и задним сиденьем. Адъютант тут же выскочил из машины и вытащил пистолет. Баграмян остановил его. Он сказал, что виноват не солдат, а тот, кто поставил его, раненого, на этот пост. Когда машина тронулась в путь, сопровождавший Баграмяна генерал Хлебников вспомнил Пушкина: «Иль чума меня подцепит, иль мороз окостенит, иль мне в лоб шлагбаум влепит непроворный инвалид...»

В июле 1944-го Баграмян, уже командующий 1-м Прибалтийским фронтом, стремительным броском пробивается к морю. Ему удаётся скрытно перебросить огромные войсковые соединения и нанести удар там, где враг этого совершенно не ждёт. Победный рейд к берегам Балтики настолько воодушевляет командующего, что он делает чисто кавказский жест – наполняет флягу водой Рижского залива и отправляет её Верховному. Однако это поспешный жест. Мощная группировка врага, отрезанная от Восточной Пруссии, контратакует и восстанавливает спасительный для себя коридор. Получив фляжку, Сталин взвешивает её на ладони и произносит: «Приказываю вылить обратно».

Этот приказ вскоре выполнен. Немецким дивизиям полностью перекрыт путь отхода в Восточную Пруссию. Группа армии «Север» зажата в тиски, обескровлена ударами с земли, моря и воздуха и не может принять участие в боях за Германию.

6 апреля 1945 года начинается штурм важнейшей вражеской цитадели – города-крепости Кёнигсберга. Операцию проводит 3-й Белорусский фронт Василевского, в который вливается 1-й Прибалтийский фронт Баграмяна.

Вместе с Василевским Баграмян готовит штурм. Изготовлен огромный рельефный макет Кёнигсберга. План города вручён каждому командиру.

Потрясающе сработали железнодорожники – протянули широкую колею прямо к нашим позициям. Вообще все рода войск действуют удивительно слаженно. И это даёт блистательный результат. Крепость, считавшаяся неприступной, сдаётся на четвёртые сутки боев. Это глубокое моральное потрясение для врага.

Последнее победное сражение великой войны для войск Баграмяна – это удар по окружённой вражеской группировке в устье Вислы. Сталин задерживает наступление. Он предлагает передать немецкому командованию ультиматум. Уже пал Берлин, и сопротивление абсолютно бессмысленно. Оно только умножит жертвы с обеих сторон. Немцы сначала отклоняют ультиматум, однако днём 9 мая после начала мощного артобстрела выбрасывают белый флаг.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В тот день, в грохоте салютных залпов, Баграмян представляет, как весть о Победе разносится по огромной стране. Как от Ленинграда до Владивостока выходят на улицы люди, которым эта Победа принесла спасение, подарила жизнь их детям и внукам. Он представляет, как долгожданная весть врывается и в его дом. Как Тамара и Маргуша распахивают окна, за которыми уже бурлит море эмоций и счастья.

А ещё ему приходит мысль о том, что эта великая Победа спасла и его малую родину. Ведь двадцать шесть турецких дивизий так и остались стоять на границе с Арменией. Они не рискнули напасть на Советский Союз.

На Параде Победы Баграмян марширует во главе своей колонны героев – лучших бойцов 1-го Прибалтийского. Это миг триумфа, самый счастливый миг жизни командующего.

Тамара на гостевой трибуне. Она держит под руки сына и дочь и чувствует, как стучит её сердце. Тогда ей кажется, что все горести позади. Впереди – долгая и счастливая жизнь.

В послевоенный период прерывается поток их нежных и искренних писем. Письма уже не нужны. Они теперь вместе и могут просто сказать друг другу то, о чём раньше писали на клочках бумаги, подвернувшейся под руку.

Наступает удивительный период в их жизни. Они всегда вместе. Сначала живут в Риге – Баграмян командует Прибалтийским военным округом. Затем возвращаются в Москву, где его ставят во главе Службы тыла.

В 1955 году, к юбилею Победы, Баграмяну присваивают звание маршала. Правительство выделяет ему большой участок земли по соседству с дачей Будённого. Дом Баграмяна превращается в островок кавказского гостеприимства. Здесь всегда открыты двери. Здесь отмечаются все праздники – и государственные, и семейные. Сюда, в гости к Баграмяну, заезжает Георгий Жуков. Маршал Победы мало с кем общается. Боевые товарищи отвернулись от него во время его долгой опалы – сначала при Сталине, потом при Хрущёве. Единственным человеком, который этого не сделал, был Баграмян. Он отказался подписать письмо против Жукова, написанное в ЦК.

Удивительное качество Баграмяна – это создавать у всех праздничное настроение. Он всегда острит. Он всех тянет за стол. Все гости должны быть накормлены. Все должны выпить армянского коньяка.

На фоне мужа, который всегда весел, энергичен и не скрывает эмоций, Тамара Амаяковна выглядит царственно сдержанной. Она словно стремится уравновесить его. В глазах гостей они удачно дополняют друг друга.

Новое счастье в жизнь Баграмянов приносят внуки. У Маргуши, ставшей врачом и вышедшей замуж, появляются двое детей – Иван и Карина. Это счастливые времена.

Но приходит день, когда в эту жизнь вторгается горе. В 1973 году Тамара Амаяковна госпитализирована с подозрением на самое худшее. Иван Христофорович с волнением слушает медиков, рвётся достать лучшие препараты, дежурит у постели жены, пытаясь поддержать в ней желание жить. Он напоминает ей слова, которые она сама говорила ему во время его недавней болезни. Тогда Тамара убеждала его в необходимости сопротивляться недугу, думать о детях. Теперь он убеждает в том же её. Он умоляет жену согласиться на операцию. Он верит: болезнь отступит, и они снова вернутся к детям и внукам, в их счастливый, полный света и голосов дом.

Однако всё намного страшнее, чем думает Баграмян. Операция не помогает, и вскоре смерть забирает его «джан», опустошая сердце и душу.

Однажды Иван Христофорович в одиночестве приезжает на столичное Армянское кладбище и из нагрудного кармана достаёт свой старый кисет. Он медленно высыпает на могилу горсть тёплой земли. Пусть земля, которую он согревал своим сердцем, всегда будет здесь, с его «джан».